

От разделения труда к росту производительных сил

Блюхер Федор Николаевич

Кандидат философских наук

*Института философии РАН, в.н.с., руководитель сектора философских проблем
социальных и гуманитарных наук*

obluher@gmail.com

Аннотация: Труд – целесообразная деятельность человека по созданию материальных и духовных ценностей для удовлетворения потребностей индивида и общества. Производя продукт, индивид вместе с продуктом, предназначенным для потребления, производит свою способность производить продукты. Произведенный продукт встраивается в систему производства как элемент необходимый а) для потребления, т.е. воспроизводства производителя; б) для дальнейшего производства продуктов. Элементом системы является труд по производству конкретного продукта, и он же во временном аспекте рассматривается как операция, которая повторяется и закрепляется. В статье анализируется производительный и не производительный труд, разные виды целесообразности при проведении трудовых операций, а также составные части труда: предмет труда, орудие труда, условия труда. Рассматривается переход от трудовых отношений к производственным и от расширенного производства к массовому. Показана диалектика смены решающей роли элементов труда при переходе от простого производства к массовому. При простом товарном обмене решающим в увеличении производительности труда становится смена орудий труда, при расширенном производстве товаров народного потребления – смена условий производства, при массовом производстве средств потребления – постоянная смена предметов потребления.

Ключевые слова: труд, производительные силы, производственные отношения, производительность труда, предмет труда, орудие труда, условия труда, история.

From division of labor to growth of productive forces

Blucher F.N.

Candidate of Sciences in Philosophy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

obluher@gmail.com

Abstract: Labor is an expedient human activity to create material and spiritual values to meet the needs of the individual and society. By producing a product, the individual, together with the product intended for consumption, produces his ability to produce products. The produced product is built into the production system as an element necessary a) for consumption, i.e. reproduction of the producer; b) for further production of products. The element of the system is labor for the production of a specific product, and in the temporal aspect it is considered as an operation that is repeated and fixed. The article analyzes productive and non-productive labor, different types of expediency in carrying out labor operations, as well as the components of labor: the subject of labor, the instrument of labor, working conditions. The article deals with the transition from labor

relations to production relations and from expanded production to mass production. The dialectic of the change in the decisive role of the elements of labor in the transition from simple to mass production is shown. With a simple commodity exchange, the decisive factor in increasing labor productivity is a change in the tools of labor, with an expanded production of consumer goods, a change in production conditions, with a mass production of consumer goods, a constant change of consumer goods.

Keywords: labor, productive forces, production relations, labor productivity, object of labor, instrument of labor, working conditions, history.

У проблемы «разделения» долгая философская история. Собственно именно она зафиксирована в первом результате рациональной философии – апории Зенона. Ведь именно из-за бесконечного деления пространства Ахиллес не может догнать черепаху. Вопрос «что» делить и «как», чтобы предварительные расчеты совпали с ожидаемыми результатами, всегда занимал человека разумного. Дифференциация и интеграция настолько естественные явления в природе и обществе, что их обсуждение философами, начавшееся со школы «инь – янь», активно продолжается до сего дня. Причем основная проблема видится как раз не в делении, а в последующем сложении. Как из мужчины и женщины возникает счастливая семья, если все счастливые похожи друг на друга? Как из толпы непохожих возникает город, противостоящий «идиотизму деревенской жизни»? Как воюющие города, княжества, царства, провинции, сословия, народы создают эффективный аппарат управления, которым может руководить даже кухарка? Но если мы переведем насущные разговоры в область философских размышлений, то легко поймем, что именно деление выступает фундаментальной проблемой. Каким образом разделить единую субстанцию так, чтобы бытие продолжало существовать, несмотря на все наши немислимые эксперименты с ним? Или, еще глубже: «...если кто разделяет единицу, я не могу больше верить, что двойка появляется именно по этой причине – через деление, ибо тогда причина будет как раз противоположной причине образования двух: только что мы утверждали, будто единицы взаимно сближаются и прибавляются одна к другой, а теперь говорим, что одна от другой отделяется и отнимается» (Plat. Phaedo 97b) [1].

Если мы присмотримся к приведенным выше примерам философских проблем, то легко обнаружим в них теоретические и фактические неточности. «Бытие», – согласно Гегелю, – «неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто» [2, с. 140], настолько же существует, как и не существует. Введение еще одной всеобщей категории при рассуждении о субстанции требует нетривиального обоснования. Деление единицы дает не двойку, а две десятичных дроби, сложение которых к двойке никоим образом не приводит. Только знание истории древнегреческой геометрии позволяет интерпретировать это высказывание Платона не как очередной философский ляп. Легко представить, что в рассуждении о труде как субстанции развития человека мы сталкиваемся с той же самой ловушкой. Роль труда в каждодневном выживании человека очевидна и подтверждена в народной мудрости. С другой стороны, египетские пирамиды и миф о вавилонской башне – примеры бесполезного приложения гигантской массы трудовых усилий. Отрицать роль труда в развитии человека как рода совершенно невозможно, но представить, что ежедневное монотонное выполнение однообразных операций является целью существования человека как индивида просто немисливо. Оба соображения наталкивают нас на поиск критериев, которые необходимо использовать при анализе предмета наших рассуждений: «Труд» может быть производительным и непроизводительным, и, будучи необходимым для других, он может стать бессмысленным бременем для того, кто внешними условиями приговорен к нему как раб на галерах. Рассмотрим «труд» и производство, в результате которых появляется продукт потребления.

Труд

Производя продукт, индивид вместе с продуктом, предназначенным для потребления, производит свою способность производить продукты. Произведенный продукт встраивается в систему производства как элемент необходимый а) для потребления, т.е. воспроизводства производителя; б) для дальнейшего производства продуктов. Элементом системы является *труд* по производству конкретного продукта, и он же во временном аспекте рассматривается как операция, которая повторяется и закрепляется, и не может быть рассмотрена как отдельно существующий элемент другой системы отношений. Например, профессия загонщика, несмотря на очевидные параллели, лишь внешне схожа с определенной функцией у животных при стайной охоте. Хотя бы с силу того, что ее приемы тесно коррелируются с изобретением в области стрелкового оружия, ростом страхования от несчастного случая на охоте и тем, что сама охота становится не более чем праздным развлечением обеспеченных людей. Современный лесничий, который и должен осуществлять функцию встречи охотника и зверя, в развитых странах давно уже успешный представитель среднего класса. Более того, доход, который приносит ему его деятельность, позволяет нанять штат работников для осуществления вспомогательных функций, от которых собственно и зависит встреча охотника и его жертвы.

При этом ряд конкретных трудовых операций (например, подвоз в места кормежки глухарей мелкой речной гальки для улучшения их пищеварения) вне согласованной системы, заданной производством конечного продукта, может рассматриваться как бессмысленный, если не иметь в виду конечный результат всей деятельности. Итак, с одной стороны мы видим, что разделение труда ведет к изменению не только человека, но и среды его обитания. Сложный труд лесничего приводит к такому биологическому разнообразию, которого не может быть в самой живой природе. Но с другой стороны, разделение единого процесса на отдельные операции может вынести цель далеко за пределы непосредственных трудовых операций и способствовать отчуждению продукта труда от непосредственного производителя. Ведь именно автономность на уровне операций приводит к естественному возникновению процесса разделения труда. «Процесс труда, взятый в его возобновлении, повторении, предстает как обособляющийся на различные процессы труда вследствие, во-первых, своих внутренних связей, во-вторых, обусловленной строением организма расчлененности потребностей, в-третьих, различия разного рода природного материала предметов и средств труда. ... *Универсализация* средств труда для создания продуктов определенного рода из соответствующего рода предметов труда *есть по своей сути вместе с тем и дифференцирование* этих средств труда от средств труда, служащих для создания других родов продуктов. Ибо чем больше выделяется общее именно данного рода, тем больше этот род отличается от других родов. Общее существует через различие (точно так же, как различие возможно лишь при наличии общего). ... Чем совершеннее данный процесс труда, тем труднее, при прочих равных условиях, овладеть каждым из его компонентов в отдельности, тем более сложно и важно уловить их взаимосвязь. Вычленение моментов процесса труда, совершающегося вместе с углублением их единства, есть *собственно внутренняя* дифференциация процесса труда» [3, с. 86 – 87].

Но если труд – субстанция, то в первичном делении могут быть заложены интуиции, которые впоследствии выражаются в самом понимании труда. На основании чего строится представление о всеобщем? Ведь если разобраться, у нас не так много оснований для деления. Отрицание, наличие родо-видовых различий, часть и целое, и, конечно, количественные деления, которые не могут быть отделены от качественных описаний, зафиксированных в самих категориях «рода и вида», «части и целого». На основании этих инструментов строится та или иная модель, объясняющая феномен труда. Так, если «труд» это род, а все остальные профессии только конкретные виды труда, то именно отличительные признаки создают все многообразие субстанционального различия. Если мы

примем в качестве основного постулата связи признаков между собой платоновское «благо», то получим оценивание того или иного вида труда прежде всего с точки зрения насущных потребностей полиса. Аристотелевская систематика сложнее, но и она оперирует, скорее, качественными категориями, причем иной раз достаточно сложными: такими как «энергия» и «энтелехия».

Труд – это целесообразная деятельность человека по созданию материальных и духовных ценностей для удовлетворения потребностей индивида и общества. При анализе «труда» мы можем выделить такие его части как: предмет труда, орудие труда, условия труда. Причем, решающим в изменении труда как субстанции считается изменение орудий труда. Именно то, при помощи чего человек создает продукт для удовлетворения своих потребностей, показывает нам степень его развития и характеризует процесс разделение труда. С этой моделью трудно спорить, потому что она совершенно точно описывает целесообразный труд индивида, но можем ли мы с ее помощью так же точно описать массовое производство? Покуда мы имеем дело с разделением труда в рамках небольшой общины, где каждый из ее членов целиком создает конечный продукт для обмена на рынке, мы согласны, что именно изменение орудия труда позволяет производить больше товаров и следовательно уменьшать трудозатраты. Но можем ли мы утверждать, что изменение орудий труда окажется решающим в условиях производства, превышающего потребности, имеющиеся в обществе?

Речь уже не идет о простом труде, скорее о массовом производстве. Но пригодна ли для анализа массового производства модель труда? Ведь океан можно описать как множество капель воды, но кроме капель воды у океана есть свои особенности: течения, тайфуны, смена погоды, животный мир, которые невозможно описать при помощи абстракции множества капель воды. Переход к анализу производительных сил и производственных отношений должен сопровождаться сменой модели. Но прежде чем мы это сделаем, рассмотрим преобразование продукта труда.

Продукт, полученный в результате процесса труда, или потребляется, или обменивается на продукт другого труда. Это взаимосвязанные процессы, но в реальности они должны быть рассмотрены по отдельности, потому что они могут существовать раздельно. Продукт, произведенный для потребления и произведенный как товар для обмена, может быть одним продуктом, но может в категориальном плане быть разными продуктами. Конечно, кажется, что потребление является безусловной конечной целью всякого производства, но всегда ли мы используем купленные нами вещи? Поэтому целью производства можно назвать продажу вещи для получения прибыли.

Предположим, что процесс труда состоит из нескольких преобразований продукта труда; для простоты вынесем цель общей деятельности всего процесса за скобки и сведем количество преобразований к двум. Оба процесса преобразований связаны друг с другом. В первом процессе объект природы A_1 в результате действий f_1 , которые продолжаются время t , должен получить вид измененного объекта природы A_2 . Состояние объекта A_2 задается теми операциями, которые должны быть произведены с продуктом труда в результате преобразований объекта A_2 в объект A_3 . Тем самым каждый из процессов преобразований связан не только общей целью, вынесенной за скобки, но и локальной целью, задаваемой последующим процессом. Действие f_1 , производимое с объектом природы, так же является сложным и зависит от знания природных особенностей объекта A_1 . Например, руда, металл, кожа или сельхоз. продукция может быть разного качества, которое зависит от количественных параметров состава данных объектов. От знания природных объектов, становящихся продуктами труда, зависит время t , которое тратится на операцию f . В крайнем случае, при полном отсутствии объективных знаний об изменяемом объекте природы, поиски нужного состояния объекта приобретают случайный характер (легенда о поиске нужной температуры для обжига китайской фарфоровой вазы). В силу

ограниченности человеческих знаний каждый из двух процессов труда в случае повторяемости труда постепенно становится профессией, представитель которой гарантирует, что в момент передачи объекта труда A_2 для дальнейшего его превращения в предмет труда A_3 , состояние созданного объекта соответствует его будущим преобразованиям.

Второй пример зависит от потребления продукта труда.

В этом случае мы не можем вынести цель труда за скобки, понятно, что потребляется именно тот продукт, который является целью производства. Но, чтобы получить данный продукт, нужно согласовать некоторое количество трудовых операций, условно относящихся к различным видам труда. Даже «элементарное» огородничество предполагает разнообразные техники обработки земли, ухода за растениями, борьбы с вредителями, уборки урожая, сохранения продукта до окончательного потребления. То, что относится к относительно простым видам производства продуктов потребления тем более относится к сложным видам труда. Однако насколько бы не был важен тот или иной вид труда в общем процессе производства все они должны быть согласованы между собой и подчинены одной цели – получению определенного продукта, необходимого социальной системе для своего воспроизведения.

Тем самым при анализе труда как целесообразного процесса мы можем констатировать наличие в труде двух видов целей: а) внутренних целей, обусловленных изменением предмета труда для преобразования его в продукт труда; б) конечных целей создания продукта, необходимого для потребления. И, хотя оба вида целей принадлежат одному процессу операций, т.е. протекают одновременно, они создают различные структуры в процессе производства, которые могут противоречить друг другу. И если мы с вами применим ту же двусмысленную логику, что при анализе простого труда, то усиление процесса кооперации видами труда в производстве сложного продукта, которое приводит к увеличению производительности труда, можно назвать производительными силами. Производственные отношения же в соответствии с этой логикой должны относиться не к орудиям труда или средствам производства, а к условиям производства. Если феодал владеет землей, а предприниматель вкладывает деньги в средства производства, то это не означает, что для них земля или станки являются орудием труда, это лишь условия, которые они предоставляют для того, чтобы рабочие могли производить продукцию. Но означает ли это, что средства производства не изменяются?

Производство

Процесс производства отличается от трудового процесса тем, что производство – это массовое изготовление товаров на рынок. Производственные силы и производительные отношения присутствуют в любом сложном процессе труда. Однако они имеют различную природу возникновения. Если источником развития производительных сил являются преобразования предмета труда, то развитие производственных отношений зависит от целей трудовой деятельности. «Производственные отношения в отличие от трудовых отношений представляют собой отношения между людьми в процессе обмена веществ между человеком и природой с точки зрения продукта, результата, а не участия человека в этом обмене веществ (подобно тому, как производство есть этот обмен веществ с точки зрения продукта, а труд – с точки зрения участия в ней человека)». [3, с. 121]

Рассмотрим пример передачи продукта труда A для дальнейшей переработки его в продукт потребления A_n . Допустим, у нас есть несколько операций, изменяющих продукт $A_1, A_2, A_3... A_n$, которые производят с предметом труда действия $f_1, f_2, f_3... f_n$, каждая из операций является отдельной профессией в рамках разделения труда и требует для своих операций затрат времени $t_1, t_2, t_3... t_n$. Однако никакого среднего времени, присущего каждой из операций не существует. Определяется лишь общее время получения конечного продукта, да и оно обусловлено конечным потреблением. Следовательно, представителям

профессий предстоит договариваться между собой о качестве получаемого продукта и о времени, когда ему его передадут. В условиях отсутствия товарно-денежных отношений само время становится ресурсом, определяющим ценность той или иной профессии в едином процессе производства сложного продукта. Представитель наиболее «ценных» действий f может требовать для своего труда наибольшего количества времени t . Если допустить, что несколько операций в производстве продукта A имеют одинаково «незаменимую ценность», производство продукта A_n в условиях разделения труда автоматически будет вести к сравнительно «непроизводительному» труду. Это объясняет особую ценность в традиционных обществах людей, которые могут все сделать сами. Итак, если мы рассмотрим простые трудовые отношения в традиционных обществах, то легко обнаружим, что разделение труда в них может тормозиться самой структурой трудовой деятельности.

Общества, ориентированные на увеличение производства, наращивают производительность через рост разделения труда. Само разделение труда, поскольку оно увеличивает производство, выступает как производительная сила. Но последнее в одинаковой мере может относиться и к производительным силам и к производственным отношениям. Ведь производственные отношения возникают не на пустом месте. Собственность не есть кража. А так как в производственных отношениях участвуют не только работники, но и собственники ранее накопленного труда, то улучшение условий труда может рассматриваться также и как орудие увеличения производительности. Тем самым при анализе производства, в отличие от трудовых отношений, решающую роль в разделении труда начинают играть не средства производства, а изменение условий производства.

Труд является исходной операцией, благодаря которой мы можем говорить о существовании современного общества. Оно возникло и развивается поскольку есть разделение труда и обмен результатами труда. Однако, чтобы понять современное массовое производство, мы должны рассмотреть труд не только как результат технологических операций, постоянно увеличивающих ценность продукта, но и такую его сторону как «непроизводительный труд». Тем самым мы вводим определенность труда с точки зрения его количественных параметров. Частица «не» в данном случае означает, что количество или ценность продукта, после определенной трудовой операции не возрастает.

У понятий пары «производительность- непроизводительность» два значения. Первое – прямое, если количества продукта n не хватает для простого воспроизводства общества, труд считается «непроизводительным» и не оценивается участниками системы прямого обмена как «труд». Например, труд приезжего ученого-антрополога в традиционном племенном сообществе охотников, скотоводов, земледельцев. Второе – сравнительное. Так, до улучшения условий производства, количество продуктов n , произведенных в условиях a , b , c считалась производительным. С изменением этих условий, приведших к производству $(n+m)$, прежний труд, затрачиваемый на производство продукта n стал непроизводительным. Тем самым, характеристика труда как производительного и непроизводительного всегда сравнительная. Просто в первом случае количество труда n делится на прямое потребление, а во втором сравниваются условия, в которых произведено то или иное количество продуктов труда.

Так как любой произведенный продукт в конечном счете потребляется, то в идеальном случае количество произведенных продуктов должно равняться количеству потребляемых. Это можно выразить формулой $1 = n \text{ произв.} / n \text{ потр.}$. Всякое отклонение от данного значения и в случае увеличения, и в случае уменьшения единицы создает социальную проблему. При этом основную проблему создает невозможность точного подсчета « n потр.». Эта величина формулируется на основании прошлого опыта, с учетом возможных природных и социальных изменений (стихийные бедствия, война,

экономические кризисы и т.п.). Если количество n произв. можно варьировать в силу целесообразности любой человеческой деятельности, то наступление неожиданных изменений в лучшем случае поддается лишь вероятностному исчислению и, соответственно, должно рассматриваться как риски, от которых нужно страховаться, в том числе наращивая n произв.

Итак, мы видим, что оценка труда как «производительного» или «непроизводительного» относительна и зависит не от природных качеств субъекта трудовых отношений или «материальных» условий труда, а от соотношения моментов, составляющих как единый процесс труда, так и производство и потребление продуктов труда.

Смысл наших действий – в достижении какой-либо цели. Смысл труда – в удовлетворении человеческих потребностей, необходимых для жизни социума. Однако само по себе увеличение производства без роста потребления бессмысленно, поэтому саморегуляция общественной системы основывается на оценке обществом затрачиваемых на производство продуктов усилий и получаемых от этих усилий результатов. С развитием производительных сил производство товаров для рынка может стать избыточным, но решение этой проблемы не заложено в саморегуляции общества.

Чуть раньше мы разделили труд для удовлетворения потребностей и труд для создания сложного продукта, настало время их объединить, потому что любой труд производится для удовлетворения потребностей. Если раньше мы рассматривали n как один продукт труда, то теперь мы рассмотрим много продуктов, необходимых для удовлетворения всех потребностей социальной системы. Назовем их N . Общая формула приобретает вид N произв. $(Tr. N / tN) / N$ потр., где $Tr.N$ – трудозатраты общества на производство всех продуктов потребления, tN – время, которое тратится на производство этих продуктов и N потр. – количество потребленных продуктов. Как мы видим, в массовом производстве вместо орудий труда и условий труда решающую роль начинают играть предметы труда. Именно поэтому, столкнувшись с современной рецессией, экономисты видят выход из нее не в увеличении производительности труда, не в изменении условий производства, а в создании новых товаров и потребностей в них у потребителей.

Это очевидный вывод, однако, если мы не остановимся на интерпретации только числителя формулы, а предположим, что N потр. также оказывает существенное влияние на смысл функционирования социально производственной системы, то мы должны признать, что идеальный случай, при котором N прозв. / N потр. = 1 совсем не идеален. Прежде всего, потому что в реальной истории мы имеем дело с разными состояниями общества, и единого рецепта для общественного развития, видимо, не существует.

История

Допустим, что структура времени удовлетворения первичных потребностей человеческой жизнедеятельности занимает 100 % времени человека, и хотя сами потребности удовлетворяются в той или иной социальной форме, с точки зрения стороннего человека, таким образом организованную социальную жизнь можно назвать чисто биологическим образом жизни. Так, с точки зрения современного «цивилизованного» человека, жизнь какого-либо первобытного племени, не вступающего в контакт с современной цивилизацией, может выглядеть биологической. Поэтому нам приходится вводить дифференциацию.

При этом любое изменение дифференциала в какой-либо части формулы должно сопровождаться изменением дифференциала других частей. Допустим, что для преодоления проблемы неожиданных кризисов мы решаем увеличить простое производства продукта через экстенсивное наращивание размеров производства, при этом не изменяются ни производительность труда, ни производственные отношения, Если социальные и природные катаклизмы, под которые мы наращивали количество продукта, происходят –

социальная система в целом ничего не теряет, если не происходят – весь затраченный труд становится непроизводительным, и чем выше доля этого труда, тем более он влияет на систему в целом. Примером могут служить сложности, которые испытывало производство СССР в гонке вооружений в конце 70, начала 80 годов XX века. Марксистский анализ труда, при котором именно опережающее развитие средств производства считалось решающим для роста производительности труда при переходе к индустриальному производству, оказался неверным. Нарастание производственных мощностей часто не сопровождалось изменением условий производства и, прежде всего, производственных отношений между непосредственными производителями и хозяйственно-государственным аппаратом. Это привело к отчуждению рабочих от продуктов их производства и имитации роста производительности труда.

С другой стороны нарастание чистого потребления без изменения в производительности труда может приводить к существенным изменениям производственных отношений, в конечном счете, это приводит к кризису всей социальной системы. Например, девальвационные процессы в Европе в 16 веке, запущенные социальными изменениями в Испанском королевстве, и последующий упадок Испании.

Наконец, существенный рост производительности труда, который происходит через разделение труда, но не сопровождаемый изменениями в механизме производственных отношений, приводит к возникновению социального слоя, недовольного своим положением настолько, что это грозит социальной революцией. Например, Российская империя в начале XX века.

В тоже время мы видим, что снижение дифференциальных показателей в формуле не приводит к существенным социальным катаклизмам. Возникновение экстраординарных ситуаций заложено в само существо формулы. При резком снижении производимого продукта падает потребление и исчезает какая-то дифференциация в разделении труда, но все элементы формулы остаются в неизменном виде. При исчезновении какой-либо потребности, она может быть заменена другой, но если при этом падает и ресурсная база, то замещение может не происходить. Наконец, с развитием мощности одной из производительных сил в системе разделения труда, например, машинного производства или современного ритейла, другие элементы производительных сил могут существенно деградировать, но на количество продуктов и потребностей данный показатель может совершенно не повлиять. Система сама себя воспроизводит, и за счет создания механизма автоматической замкнутости операций самосохраняется при неблагоприятных внешних воздействиях. Совсем другое дело возникновение избытка, именно в случаях избытка какого-либо из элементов формулы систему чаще всего ожидают серьезные социальные катаклизмы, которые и приводят к уничтожению этого излишка или существенно уменьшают производительные силы.

Человек – существо целесообразное, что означает, что он не только действует целесообразно, но и по большей части эту целесообразность конструирует в своем воображении и, значит, чувствует ее. Если по какой-то причине он не может установить целесообразность своих действий, в том числе трудовых, он ощущает их бессмысленность. Так увеличение производства продукта, который не будет использоваться для потребления, делает усилия по росту его производства бессмысленными. Увеличение потребления наталкивается на естественные границы человеческих возможностей в потреблении, как в индивидуальном, в том числе психологическом, так и в социальном смысле. Увеличение производительности без изменения условий производства, создаваемых производственными отношениями, приводит к антагонистическим классовым противоречиям, хорошо описанным в марксизме. Так, в письмах русских солдат с фронтов Первой мировой войны «буржуями» называли всех тех, кто может откупиться от обязательной воинской мобилизации. А так как в условиях мирного существования и

отсутствия кризисов производительные силы, в том числе за счет накопленного труда, постепенно возрастают, то и кризисы, связанные с их ростом, должны проявляться в том или ином виде, в том числе в чувстве бессмысленности ежедневных трудовых усилий. Можно сказать, что всякое увеличение в предложенной формуле одного из компонентов без изменения производительности труда, которое происходит за счет разделения труда, чревато социальными потрясениями.

Разделение труда – очевидная операция, чтобы объяснить развитие человеческого общества. Люди знали это с ранних времен, и уже у Мо Ди мы можем найти мысли о необходимости кооперации различных видов труда. Однако в истории человека вовсе не труд занимает центральное место. Власть, деньги, война – вот ее основные темы. Очевидно, что «без труда не выловишь рыбку из пруда», но хвастаемся мы не усилиями по ловле рыбы, а размерами трофеев, а сам труд рассматриваем как божественное проклятие. Безусловно, существует чувство эйфории от хорошо сделанной работы, но сама работа оценивается в основном по сравнению результатов и затраченных усилий. И усилия, т.е. труд, находится в знаменателе формулы. Разделение труда как раз и обеспечивает уменьшение индивидуальных усилий и увеличение совокупного результата. Остается немного, найти то, что сравнивается в качестве результата. О благе кого идет речь: индивида, семьи, племени или государства? Оказывается, люди вовсе не наивны, когда вместо средства, а труд, конечно, – средство, прилагают основные интеллектуальные усилия, чтобы уточнить понятие цели труда. Самого уточненного анализа труда оказывается недостаточно, если мы не можем решить вопрос, для чего, в конечном счете, необходим труд.

Можно придумать очередной миф и объявить прилагаемые усилия для достижения цели основным результатом, в психологии это называется сдвигом «мотива на цель». Но, если мы посмотрим непредвзято на историю своей жизни, то легко заметим, что в разные периоды этой жизни цели у нас могли быть разные. Родители, друзья, работа, семья, дети формировали разные, подчас противоположные системы целей в нашей жизни. Можем ли мы утверждать, что те проблемы, которые возникали при смене целеполагания, мы смогли решать благодаря какому-то одному свойству нашего «Я»? Что было важнее при решении этих проблем: наш характер, наши ментальные способности, этические нормы или умение пользоваться обстоятельствами? Вряд ли мы сможем ответить на этот вопрос однозначно.

Так же и в истории человечества. При простом товарном обмене решающим в увеличении производительности труда становится смена орудий труда, при расширенном производстве товаров народного потребления – смена условий производства, при массовом производстве средств потребления – постоянная смена предметов потребления.

Итак, мы знаем ответ, как изменяются средства, которые мы выбираем при быстротечной истории нашей жизни и при бесконечной истории человеческого рода. Остается найти ответ, пригодный для той реальной истории, в которой мы живем, то есть истории людей, которые нам дороги и без которых мы считаем свою жизнь бессмысленной. Людей, с которыми мы появляемся на свет, вырастаем, мнением которых мы дорожим, до наших детей, внуков и наследников, у которых мы хотим оставить добрую память. Это не бесконечное количество лет, но явно превышающее наше бренное существование. Здесь важно понять обе истории, о которых шла речь. Большой (эпохи, страны, в которой ты живешь, семьи) и малой, твоей собственной, и найти своё место в той Истории, которое наполнило бы смыслом ежедневный труд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи: прим. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990-1994.

2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
3. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: МГУ, 1988. 383 с.

REFERENCES

1. Platon. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah.* / Obshch. red. L. F. Loseva, V.F. Asmusa, A. A. Taho-Godi: prim. A.F. Loseva i A.A. Taho-Godi. М.: Mysl', 1990-1994. (In Russian)
2. Hegel G. V. F. *Science of logic.* In 3 volumes. Vol. 1. М.: Mysl, 1970. 501 s. (in Russian)
3. Vazyulin V. A. *The logic of history. Questions of theory and methodology.* Moscow: Moscow State University, 1988. 383 s. (in Russian)